

Поговорим о звездах

С давних пор мы привыкли к жалобам театральных деятелей: «Ах, нет хороших пьес!», «Ах, нам нечего ставить!» Эти жалобы служили нередко оправданием однообразия и серости репертуара, оправданием того, что некоторые театры умудрялись выпускать не более одной премьеры в год.

Но вот меньше стало жалоб, зато больше новых, хороших спектаклей. Яркое тому свидетельство — недавно закончившаяся «Московская театральная весна». И теперь уже ясно: дело не в том, что свет пьес.

Отрадно, что одним из положительных источников пополнения репертуара наших театров стало творчество драматургов стран народной демократии. На столичных афишах теперь уже стали привычными имена болгарина Василева, чеха Дрды, румына Мушакеску. В мае МХАТ познакомил москвичей с еще одной, доселе не известной нам «жемчужиной» — пьесой румынского драматурга Мыхайла Себастьяна «Безымянная звезда».

Румынские газеты называли комедию М. Себастьяна «чеховской» пьесой. Действительно, она отличается подлинным лиризмом, богатым внутренним действием, смелым переплетением драматических мотивов с комедийными. Но не только эти стороны дарования Чехова близки румынскому драматургу. Когда смотришь «Безымянную звезду», невольно вспоминаешь автора «Унтера Пришибеова», «Человека в футляре», «Свадьбы». М. Себастьян создал острый сатирический портрет воинствующей обывательницы мадемуазель Куку, такого унтера Пришибеова в

юбка, а за спиной мадемуазель Куку угадываются другие представители затхлого мешанского мира, в котором очень трудно дышать герою пьесы — скромному человеку с большим сердцем, настаивающему ученому, учителю Марину.

«Странный человек учитель Марин Мярюй. Нигде он не бывает, ни с кем не встречается, разве только с этим чудачком Удрей, воображающим себя композитором. Господин учитель даже в кино, которое устраивается в городе по средам и субботам, не ходит. А о том, чтобы зайти к соседям, обсудить последние новости (возврат, на станции поезд индюка переехал) или сыграть в карты, — об этом и думать не приходится... И окна у него вечно занавешены!»

А за этими занавешенными окнами живет человек чистый, светлый, сумевший даже в провинциальном мешанском болоте сохранить веру в жизнь, в свое призвание. Призвание это — наука. Марин занимается астрономией. Он совершил научный подвиг, вычислив орбиту доселе не известной, безымянной еще звезды. Но в городке, где царствует мадемуазель Куку, даже и занкнуться нельзя об этом открытии: тебя немедленно объявят сумасшедшим...

В спектакле МХАТа в роли Марина выступает артист Ю. Кольцов. На первый взгляд он не делает ничего особенного. Ничем не примечательная внешность, глухой голос, даже не всегда четкая дикция. Но, почему же зритель с таким озабоченным вниманием следит за каждым словом, каждым жестом Марина Кольцова? Думается, что «секрет» успеха артиста заключается в овладении тем, что Немецков-Данченко называл «вторым планом». Учитель все время живет на сцене богатой внутренней жизнью. Вот Марин отвечает собеседнику, произносит какие-то слова, но вы чувствуете, что он не весь в этих словах, что за ними скрыта живая, ищущая мысль, которая глубже, шире, больше слов. И вас невольно захватывает открытая талантливым артистом «жизнь человеческого духа», вы уже в плену у него и с трепетным вниманием следите за каждым душевным движением, каждым порывом этого ставшего близким вам человека.

И так, внешне бедная и однообразная, внутренне богатая и содержательная, течет жизнь учителя. И вдруг в эту жизнь внезапно врывается нечто новое, яркое, неожиданное. Это «нечто» — молодая женщина, случайно попавшая в захолустный, провинциальный городок из совсем другого мира: дорогих ресторанов и роскошных туалетов, праздности и прожигания жизни.

Мы сказали «случайно». Но так ли это? Когда задумываешься над образом Моны, в роли которой дебютировала на сцене МХАТ выпускница школы-студии имени Немецкова-Данченко Раиса Максимова, становишься ясно: нет, не «случайно».

Можно было бы сыграть Мону такой светской львицей, безнадежно опустошенной и развращенной богатыми бездельниками, самолюбием которых льстит ее красота. Тогда ее появление на захолустной станции, а затем в доме учителя станет действительно случайным и временным.

Совершенно другой предстает перед зрителем Мона-Максимова. Смотришь на нее и ловишь, что это юное обаятельное существо еще совсем не знает жизни. Мона инстинктивно чувствует себя

чужой среди богатых «денег» типа ее покровителя Гринга. Недаром она уже несколько раз пыталась бежать от него. Здесь, в этом городке, она, может быть впервые, встретила настоящего, душевно близкого ей человека. Постепенно открывается перед ней все богатство души учителя, его огромное мужество, способное противостоять наступлению воинствующих мешан во главе с мадемуазель Куку. Быть подругой такого человека — счастье для Моны. Но она чувствует, что недостойна этого счастья, что у нее не хватит сил, не хватит воли для борьбы и лишений... И Мона уезжает с глубокой болью в сердце, с сознанием того, что расстанется с самым светлым, что было в ее жизни.

Нельзя сказать, что Р. Максимова роль Моны удалясь от начала и до конца. Вот она в первом акте появляется на сцене в своем эффектном вечернем туалете. И вас не оставляет впечатление чего-то искусственного, сделанного. Молодая актриса «играет» роскошную красавицу, откуда не сливаясь с образом.

Вообще первый акт, пожалуй, наименее удачный в спектакле. Режиссеры М. Кисель и В. Марков, художник М. Курлюк увлекаются здесь внешними бытовыми деталями, сценическими эффектами в ущерб созданию атмосферы напряженного «внутреннего действия», характерной для пьесы М. Себастьяна.

Когда за окнами комнаты, начинающая стонать промелькнувший сияющий огнями поезд, мы услышали шепот сидящих рядом зрителей: «Здорово! Совсем как настоящий!» Театр заставил их наслаждаться видом «настоящего» поезда, а не постуками и переживаниями героев спектакля...

Но продолжим разговор о Максимова-Моне. Начинается второй акт. Комната учителя. На сцене Марин и Мона. И вот мы замечаем, как постепенно актриса освобождается от каких-то внутренних пут, как ее захватывает властное обаяние Марина Кольцова. И вот уже в унисон звучат голоса двух актеров, и нет в них ни одной фальшивой ноты.

Блестящее режиссерское решение этой сцены нашли постановщики спектакля и художник. Они перенесли ее из комнаты на воздух, раскинули перед героями и зрителем благородную красоту звездного неба. И как-то особенно вдохновенно и впечатляюще прозвучал лирический дуэт учителя и Моны.

Искренне, непосредственно, с глубоким лиризмом проявляет Р. Максимова и третий акт. Это позволяет поздравить юную актрису с удачным и многообещающим дебютом.

К сожалению, другие участники спектакля не сумели достичь тех высот, которые показались по плечу исполнителю главной роли. Огорчительная неудача постигла А. Зуеву (мадемуазель Куку). Не выходят из рамок чисто бытовой характеристики И. Свободия (начальник станции) и С. Яров (Удря). А между тем у каждого из этих персонажей есть своя тема, своя внутренняя линия, которая осталась так и не раскрытой в спектакле.

Но все частные неудачи отступают перед большим, радостным, настоящим успехом Ю. Кольцова. Именно его Марин стал той «безымянной звездой», которая будет светить нам, зрителям, долго, составляя с благодарностью вспоминать этот спектакль Художественного театра.

В. ИСКЕНД.